

У исторической карты народов мира

КЕТЫ

На севере Красноярского края живет одна из самых немногочисленных народностей нашей страны — кеты. По данным переписи 1970 г., их насчитывается 1 182 человека¹. В растянувшемся вдоль могучего Енисея Туруханском районе они расселяются четырьмя основными группами по енисейским притокам: рекам Елогую, Сургутихе, Пакулихе и Курейке (центры — поселки Келлог, Сургутиха, Бакланиха, Серково). Пятая группа, подкаменно-тунгусская, проживает в Байkitском районе Эвенкийского национального округа (поселок Суломай). Отдельные семьи кетов живут в Енисейском и Игаркском районах края.

Слово «кеты», производное от «кет» (человек), не является исконным самоназванием народности. Оно утвердилось в 20-е годы нынешнего столетия. До этого кеты были известны как «остяки», «енисейские остяки». По аналогии с обскими остяками — хантами, их так впервые называли русские служилые люди в XVII веке. Сами себя кеты именовали по родовой или территориаль-

ной принадлежности отдельных групп. Наименование «кеты», понятное всем, быстро вошло в жизнь и стало употребляться как самоназвание².

Кеты издавна привлекали внимание широкого круга ученых спецификой своей культуры, сложностью исторической судьбы³. Особый интерес представляет их язык, своего рода лингвистический феномен. Язык кетов обладает своеобразным строем, не имеющим близкого соответствия среди языковых семей Северной Азии. Его принято относить к палеоазиатской группе⁴. Общее название «палеоазиатские» она получила в связи с гипотезой о древнем, аборигенном происхождении носителей языка. Близость к кетскому обнаруживают вымершие языки

² В Туруханском районе до настоящего времени распространено искаженное название — «кетó». По своему происхождению это звательная форма от слова «кет» (так мужчина обращается к другому мужчине).

³ В. Н. Топоров. Библиография по кетскому языку. «Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты». М. 1969, стр. 243—283.

⁴ Кроме кетского, юкагирского и нивхского, в нее входят чукоотско-камчатские и эскимосско-алеутские языки.

¹ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года». Ч. IV. М. 1973, стр. 21.

пумпоколов, арипов, ассанов, коттов и некоторых других групп, живших некогда южнее кетов, в бассейне Среднего Енисея, в верховьях реки Кеть и растворившихся со временем в окружающей иноязычной — тюркской, селькупской, русской среде. Исследователи XVIII в. зафиксировали уже завершение этого процесса. Генетическое родство языка кетов и указанных групп позволяет объединить их в одну семью — енисейскую, а носителей этих языков называть «енисейцами»⁶. Лингвисты усматривают некоторые черты сходства в енисейских языках и языках народов, которые ныне живут на удаленных друг от друга и от Енисея территориях и в прошлом явно не имели каких-либо прямых исторических связей с енисейцами (северокавказские, баскский, буршаский, вершицкий, некоторые языки индейцев Америки)⁶.

В культуре кетов, последних представителей енисейскоязычной общности, наряду с архаическими элементами, связанными с влиянием аборигенов таежной зоны, выявляются черты, характерные для древних южносибирских и центральноазиатских культур. Антропологи относят кетов к уральскому типу, хотя допускают, что их предки могли обладать иным комплексом признаков. Особенности современного облика кетов могли сложиться в течение двух-трех последних столетий в процессе их смешения с самодийскими народами, прежде всего с селькупам. Характерно, что самодийские параллели более всего обнаруживают туруханские кеты, в то время как их всегда более изолированные подкаменно-тунгусские соплеменники образуют локальную группу, тяготеющую к некоторым южносибирским народам. В археологическом отношении территория современного и прежнего (известная по данным топонимики) расселения кетов остается почти неизученной. Археологи предполагают, что наиболее ранних предков енисейцев в Сибири можно искать среди древних носителей карасукской и тагарской культур бронзового века хакасско-минусинского юга.

Этногенез кетов представляется сложным процессом взаимодействия различных по происхождению, языку и культуре групп, имевшим место на разных территориях в течение длительного периода. В настоящее время можно с достаточной долей вероят-

ности доводить время южносибирского обитания енисейцев до гушской эпохи (последние века до н. э. — начало н. э.). Пока что нет возможности воссоздать конкретную историю собственно кетов на том этапе, но их, бесспорно, следует искать в сложном этническом конгломерате, который представляли собой древние кочевники-гунны. Дальнейшее развитие енисейцев и конкретно предков кетов характеризуется длительным взаимодействием с южносибирскими тюрками, начиная с древнетюркского времени и кончая завершением этих процессов в XVIII веке. Эволюция енисейскоязычного этноса сложна. Наиболее близкие к нам ее этапы ознаменовались дроблением на мелкие группы, растворением в иноязычной среде, миграцией небольших осколков. Енисейцы приняли участие в формировании отдельных групп хакасов, тувинцев, шорцев, северных алтайцев, селькупов, энцев. Конечным результатом переселений явилось, в частности, оседание на Енисейском Севере немногочисленных групп кетоязычного населения, составивших ядро, из которого образовалась кетская народность.

Освоение русскими Енисея и прилегающих к нему территорий относится к началу XVII века. Как и другое коренное население этого района, кеты были включены в состав Мангазейского и Енисейского уездов и обложены ясаком, поставкой пушнины. Кеты жили тогда немногочисленными группами в низовьях Подкаменной Тунгуски (в документах начала XVII в. они известны как земшаки), в устье Бахты (богденцы) и в бассейне Елогуя (инбаки). Всего их насчитывалось около 720 человек. Группы эти были экзогамными (кровнородственными; брак заключался между членами разных групп), причем инбаки составляли одну экзогамную половину, а богденцы и земшаки вместе — другую. Более южные, также небольшие объединения кетов располагались в бассейне Сыма и Дубчеса⁷. Группы состояли из отдельных семей, ведущих счет родства по отцовской линии и связанных представлениями о таком родстве. Результатом разрастания семей, дробления их и стремления вновь образовавшихся к хозяйственному обособлению явилась миграция некоторых семей. Этот процесс особенно активизировался в условиях повышения роли товарных отношений в хозяйственной жизни

⁶ «Кетский сборник. Лингвистика». М. 1968, стр. 5.

⁶ А. П. Дудьзон. Кетский язык. Томск. 1968, стр. 579—608.

⁷ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. «Труды» Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. LV. 1960, стр. 143—144.

кетов, прежде всего с развитием товарного пушного промысла. В XVIII—XIX вв. происходило передвижение отдельных семей и семейных групп вниз по Енисею, смешение кровнородственных и образование новых территориальных групп. В некоторых из них уже в XVIII в. кеты проживали вместе с селькупами; соседские отношения между ними закреплялись брачными связями.

С конца XVIII в. русская администрация объединила коренное население края в волости (управы), соответствовавшие реально существовавшим в то время основным территориальным группам. В пределах этих волостей кеты жили отдельными стойбищами: 2—3 семьи, связанные кровным родством или родственные по браку. Стойбище, возглавлявшееся, как правило, старшим мужчиной (право это было наследственным и после смерти главы могло перейти к его брату, сыну), составляло основную производственную единицу. В наследственном пользовании нескольких поколений семьи или семейной группы находились определенные охотничьи угодья («дороги») и те места (протоки, курьи), где ставили котцы — ловушки для массового лова рыбы.

Основными видами хозяйственной деятельности были охота на крупных животных — медведя, лося, оленя, а также на лисящую дичь и котцовое рыболовство. Они сложились в древности и позднее все еще играли решающую роль, давали пищу и запасы продуктов в течение всего года, материал для одежды, обуви, транспортных средств, утвари. До начала XX в. охота и рыболовство оставались коллективными. Совместно строились земляные жилища, свайные лабазы, большие крытые лодки-илимки. Добытые общими усилиями мясо, рыба, шкуры животных поровну распределялись между семьями, составлявшими стойбище. Продукция же пушного промысла (соболь, белка, колонок) являлась собственностью семьи охотника, добывшего ее. Часть пушнины сдавалась в качестве ясака, другая отдавалась торговцам в обмен на боеприпасы, муку и прочие товары. Причем в то время обменные отношения преобладали над денежными. Общее имущество семьи (ловушки, лодки, снасти), а также предметы культа наследовались по мужской линии. Это не касалось вещей личного изготовления или личного пользования (одежда, утварь, лыжи, нарты).

Для социальной жизни кетов долгое время было характерно сохранение пережитков патриархально-родовых отношений, что

выражалось в особой роли кровного родства, устойчивости экзогамных норм. Низкий уровень производительных сил, консерватизм промыслового хозяйства, патриархально-натуральный уклад жизни являлись в какой-то мере причиной однородности кетского населения в экономическом и социальном плане даже в конце XIX — начале XX века. Некоторые различия в имущественном уровне определялись количеством трудоспособных в семье, прежде всего охотников.

В традиционной культуре кетов преобладали черты древнего хозяйственно-культурного комплекса охотничьего и рыболовецкого населения таежной зоны. В основе своей он сложился еще до переселения предков кетов на Енисейский Север. Многие в их культуре сходно с культурой селькупов, хантов, шорцев. Вместе с тем есть особенности, которые объясняются давним влиянием скотоводческо-кочевнической среды.

Орудия охоты и рыболовства отличались у кетов сравнительным образом и универсальностью применения. На животных и птиц они охотились с помощью сложного лука и стрел. Крупных животных добывали однотипными по устройству ловчими ямами. Сети и плетенные из прутьев ловушки использовались в рыболовстве и при охоте на лисящую дичь. Кетам было известно ночное лучение рыбы острогой. Товарное развитие пушного промысла, воздействие промысловой культуры русских обусловили появление у них огнестрельного оружия, новых видов ловушек, рыболовных снастей. Во время зимнего охотничьего промысла кеты передвигались на широких лыжах, оклеенных снизу шкурой с ног лося, оленя (камусом). Имущество и запасы продуктов они перетаскивали на ручных нартах или волокуше из лосиной шкуры. На нартах везли и малолетних детей. Тянуть нарту и волокушу человеку помогали собаки. Часть кетов зимой использовала в качестве транспортного средства оленей, запрягая их в особые санки. Оленеводство у кетов появилось под влиянием северных соседей — энцев или ненцев (об этом говорит, в частности, однотипность санок, упряжи), но не получило достаточного распространения. Летом по открытой воде передвигались всей семьей на больших илимках; широко применялись легкие лодки-однодеревки, выдолбленные из осины («ветки»).

Жилищем служили чум с коническим остовом из шестов и берестяными покрывками, а также землянки, представлявшие собой углубленные в землю постройки с кар-

касом из наклонных бревен и земляным покрытием. Конструктивные особенности кетского чума и терминология, с ним связанная, свидетельствуют о существовании этого вида жилища у предков кетов еще в период их южносибирского обитания и контактов с тюркскими группами. Землянки, подобные кетским, были известны селькупам и хантам; в них можно предполагать вариант жилища аборигенного населения таежной зоны Средней Сибири, воспринятого более поздними переселенцами, в том числе кетами. Временным убежищем на промысле служили сводчатые шалаши из прутьев («получумы»), ямы в снегу. Летом жили также в крытых илимках. Срубные дома впервые появились только в конце XIX — начале XX в. у семей, осевших в русских деревнях.

Традиционный зимний костюм кетов, однопипный для мужчин и женщин, составляли: распашная меховая парка из одной оленьей шкуры, обувь из камусной головки черка и пришитых к ней суконных голенищ. Головным убором считался платок из бумажной ткани и налобник из нанизанных на ремешок беличьих хвостов, защищавший глаза от блеска снега, а лоб и уши — от ветра. В летнее время носили одинаковую по покрою с зимней парку из ровдуги (выделанная на подобие замши кожа) и ровдужную обувь. Кетам была известна также длинная халатообразная одежда из сукна или стеганная на подкладке из беличьих или заячьих шкур. Если парку из одной шкуры (меховую или ровдужную), обувь из ровдуги и с камусной головкой можно считать наиболее древней формой одежды таежных охотников и рыболовов, то одежда из сукна и на меховой подкладке связана с влиянием кочевнической среды. От своих северных соседей (ненцев, энцев) кеты заимствовали глухую меховую одежду с капюшоном (сокуй) *и обувь, целиком сшитую из камусов. В домашнем быту кетов шкуры животных, рыбы, птиц находили широкое применение. Народную технику отличает умелое использование местного материала (бересты, дерева, рога), его специфических свойств и естественной формы.

Питались кеты в основном мясом лося, оленя, дичью, рыбой. Покупали муку, чай. В приготовлении пищи не изощрялись: мясо и рыбу варили, жарили на рожнях, ели в мороженом и сухом виде. Из рыбы, пойманной котцами, готовили порсу (измельченная в крошку сухая рыба), юколу, вываривали из внутренностей жир; излишки мяса сушили или замораживали. Немаловаж-

ное, хотя и подсобное, значение имела растительная пища (ягоды, клубни сараны, черемша, сушеные листья). В голодное время, особенно весной, когда кончалась купленная у торговцев мука, ели лепешки из порсы, смешанной с толченой еловой корой; чай заменяли отвары трав.

Хотя официально кеты к началу XX в. считались обращенными в христианство, у них продолжали играть значительную роль древние культы, шаманизм. В основе их верований лежали анимистические представления: одушевление окружающей живой и неживой природы. Формирование главных мифологических образов также было связано с природными явлениями. Почитаемым богом неба был Есь — верховное начало кетского пантеона. Противостоявшее ему отрицательное начало — злая Хоседам выступала как хозяйка севера и злых существ, якобы населявших эту страну вечной тьмы и холода. Действиями Хоседам кеты объясняли болезни людей и самую смерть. Олицетворением юга, света, тепла была Томам, мать громов и перелетных птиц, ежегодно улетающих к ней, чтобы переждать зиму. Прилет и отлет пернатых воспринимались кетами как важные вехи года; к птицам и их матери Томам обращались в это время с просьбами о благополучии, ставили им угощение. Юг, где, считалось, живет Томам, кеты признавали «живой землей», стороной доброго начала.

Хозяйственная промысловая деятельность на протяжении многих веков, ее специфика (роль случая, стихия природы, опасность), при которой успех более, чем в любой другой отрасли, казался человеку не зависящим от его воли, способствовали широкому распространению религиозных промысловых представлений. Они нашли свое отражение в многочисленных запретах, приметах, обрядах. Для кетов было свойственно также почитание воображаемых хозяев промысловых животных, рыб, отдельных уголй. Широкое распространение получил культ медведя. Добыча этого животного всегда была праздничным событием и сопровождалась циклом обрядовых действий, с помощью которых люди надеялись обеспечить себе в будущем удачу на охоте. Охранителями дома, семьи признавались огонь и особые «старухи» (алэлы), изображения которых имелись в каждой семье и передавались из поколения в поколение. Главной функцией шаманов было «лечение», а также предсказания, гадание. Многие черты *шаманства у кетов (сами представления, обрядность, облаче-

ние и др.) сближают его с шаманством у народов Саяно-Алтая. Однако у кетов оно не получило профессионального развития.

Погребение умершего сопровождалось обрядовыми действиями, осмыслявшимися народными представлениями о жизни человека, его смерти и посмертном бытии. До начала XX в. существовали два способа захоронения: в земле, в ящике из несбитых досок, с берестяным перекрытием, и воздушный, в пне срубленного дерева — специфически детское захоронение, а на помостах-лабазах — шаманское.

Народные представления об окружающем мире, о месте человека среди явлений живой и неживой природы, своей предполагаемой истории, взаимодействиях с реальными народами и мифическими существами — все это находило отражение в устном творчестве, которое служило средством передачи представлений из поколения в поколение.

Отрезанный от центральных районов Туруханский край, глухая провинция, место ссылки, где среди не только коренного населения, но и основной массы русских царили эпидемии, голод, невежество, являлся прекрасной ареной для произвола торгового капитала. Населенные пункты по Енисею формировались как почтовые станции-станции, где заправляли торговцы и смотрители казенных магазинов. Каждый из них имел «своих инородцев», которых нещадно обманывал и спаивал. Все, побывавшие на Туруханском Севере, отмечали ужасающую нищету кетов, их обездоленность и вымирание.

Советская власть с первых дней своего существования столкнулась на Енисейском Севере с тяжким наследием политики царизма. Отчеты комиссаров и советских работников, добравшихся до самых отдаленных уголков и стойбищ, полны сообщений о нищете кетов, об отсутствии у них одежды и промышленного снаряжения, о голоде, эпидемиях, сплошной неграмотности. Решающими вехами на пути социалистической реконструкции жизни коренного населения явились здесь государственное устройство (советизация), кооперативное строительство и коллективизация. Уже предвоенные годы были отмечены не только хозяйственными успехами, но и значительным сдвигом в отношении кетов к просвещению и медицинскому обслуживанию, ростом общественного сознания. В годы Великой Отечественной войны кеты, как и другие народы Советского Союза, приняли участие в защите страны от фашистских захватчиков. Среди воинов-

кетов есть орденосцы, прошедшие боевой путь до Центральной Европы. Под фронтовой Москвой встал в солдатский строй И. С. Дорожкин, а на енисейские берега он вернулся из Берлина. Коммунист Дорожкин работает ныне председателем сельсовета в одном из туруханских поселков. В освобождении Польши принимал участие П. Н. Каменских. Занимаются любимым делом промышленников бывшие воины А. В. Сняев, П. Р. Лямич, И. И. Тыганов, А. А. Тыганов, В. П. Бальдин и другие.

Современная культура кетов являет собой пример взаимовлияния и взаимодействия культур, характерный для развития народов СССР в наше время. Значительная часть кетов двуязычна или многоязычна. Родной язык остается преобладающим в семейном быту; вторым языком повсеместно является русский; многие понимают язык соседей — селькупов, эвенков. Ныне кеты, как и другие коренные жители Туруханского Севера, живут в домах, не отличающихся от жилища русских. Повсеместно распространена среди кетов современная одежда. Вместе с тем в их культурно-бытовом укладе сохраняются некоторые целесобразные, приспособленные к местным условиям традиционные формы (меховая одежда и обувь, обувь из ровдуги, лыжи, нарты, лодки-долбленки и т. д.), ставшие достоянием всего окружающего населения, в том числе и русских.

Самобытное изобразительное искусство (резьба по дереву, бересте, вышивка подшейным волосом оленя по ровдуге) было слабо развито у кетов и прежде. В наши дни многие его виды исчезали по мере того, как выходили из употребления традиционные бытовые предметы, одежда. Но поныне сохраняется обычай украшать резьбой берестяные туеса, деревянные и костяные ножны, рукояти ножа. Рукавицы, матерчатые мужские подвязки (их завязывают ниже колена, закрепляя мягкую обувь на ноге) украшают аппликацией, а камусную обувь — меховой мозаикой. Бисер используется в женских наконных украшениях, а также в детской одежде и обуви. В большей степени, чем изобразительное искусство, сохраняется устное и песенное народное творчество. Особенно распространены и любимы мифы о богатыре Альбе и его борьбе с Хоседам, исторические предания, где действует народный герой Бальна, сказки о Кайгусе, посылающем промысловое счастье, песни-импровизации и загадки.

Большинство кетов работает сейчас в промхозах, созданных на базе земель и общественного имущества прежних колхозов, и занято в традиционных для них промысловых отраслях — охоте и рыболовстве. В организации труда произошли огромные перемены: входят в жизнь современная техника, новое промысловое снаряжение. Изменившиеся условия труда требуют от кетов новых навыков и производственного опыта. Но в наши дни не утратили своего значения народные знания и традиции производственной жизни, включающие как личный опыт людей, накопленный в процессе трудовой деятельности, так и мудрость предшествующих поколений. Сегодня в руках у охотников — современное огнестрельное оружие, фабричного изготовления капкан. Но человек по-прежнему должен знать, где, в какое время и при какой погоде больше шансов выследить белку, где поставить капкан на соболя, ондатру. За спиной кета-охотника, как и прежде, стоят ночевки в тайге у костра, непроторенные километры снежной целины, долгие месяцы жизни вне семьи и поселка. По-прежнему огромной физической выносливости и ловкости требует охота на дикого оленя, лося. И теперь на нартах, лыжах и лодках кеты проходят сотни километров по безлюдным просторам, осваивают новые охотничьи и рыболовные угодья. Производственный опыт и навыки выделяют кетов как отличных промысловиков. Не случайно инициатором движения в районе за выполнение плана 9-й пятилетки по пушнине в 2,5 года стал кет И. Т. Бальдин. К весне 1975 г. он выполнил личный план уже за десятую пятилетку, сдав пушнины на 12 тыс. рублей. И. Т. Бальдин первым в районе награжден орденом Трудового Красного Знамени. Более 30 лет ежегодно с первыми морозами отправляется в тайгу Ф. Ф. Максунув. Он неоднократно назывался в числе лучших охотников страны,

награжден медалями, в том числе бронзовой медалью ВДНХ. Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ и медалью «За доблестный труд» отмечен труд молодого охотника П. Е. Сутлина, выполнившего личный пятилетний план за 3,5 года. Первенство среди лучших рыбаков района многие годы держит коммунист Д. Г. Серков, удостоенный медали «За трудовое отличие». Этим кетов именуют в районе «гвардейцами промысла».

Огромные перемены произошли в быту кетов. Ушли в прошлое затерянные в тайге редкие стойбища и темные сырые землянки, не встретятся более по берегам рек изъеденные гнусом мужчины и женщины, тянущие бечевой илимку со скарбом и детьми. В поселках построены дома, школы-интернаты, больницы, клубы. Обычным явлением стали радио и электричество. Никого уже не удивляют катера, самолеты, регулярно доставляющие продукты питания и почту на самые отдаленные угодья. Пассажирами вертолетов бывают ученики, которые летят на каникулы к родителям, занятым на промысле, рыбаки, охотники.

О новой полноправной жизни маленького народа свидетельствует и рост его национальной интеллигенции. В поселках работают кеты—учителя и воспитатели (Е. Д. Серкова, Н. Е. Коротких, Т. Е. Серкова), медики (Т. М. Бердникова, В. Е. Сутлина), ветеринары (А. И. Коротких), клубные работники (А. И. Дорожкина) и т. д. В ближайшие годы отряд кетской интеллигенции пополнится новыми специалистами — выпускниками вузов Ленинграда, Красноярска, Томска, Новосибирска и средних специальных учебных заведений Игарки, Дудинки, Минусинска, Туры. Рост сельской интеллигенции является важным фактором, стимулирующим дальнейшее повышение культуры коренного населения.

Е. А. Алексеенко